

ФИЛИССКІЯ ВЪ ДОМОСТІ.

Въ годовомъ изданіи 104
№. Каждый №. заклю-
чаетъ въ себѣ 8 страницъ.

1831-го ГОДА.

Годовая цѣна за Кавка-
зскій р., полугодовая 4 р.
сер. по Россіи 35 и 25 р. ас.

ИЗЪЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

АГАБАБЪ И КОРАНЪ.

ИСТИННОЕ ПРОИЗШЕСТВІЕ.

Ахъ! скучно одинокому и деревцу росши!

Ахъ! горько, горько молодцу безъ милой
жизнь вести.

(Изъ Русской пѣсни).

Въ Арзрумѣ все въ движеніи.—
Русскіе воины—проведшіе почти
цѣлый годъ въ семъ городѣ, или
въ окрестныхъ селеніяхъ—гошо-
влясь къ возвращенію походу,
суесящся, кто по обязанностямъ
службы, кто по собсвенной на-
добности. Радость написана на
лицѣ каждого; каждый ждетъ съ
нетерпениемъ дня назначеннаго
къ выступленію—онъ уже извѣс-
щенъ. Армяне, до сего времени
оуправлявшіеся паршіями въ на-
ши предѣлы, теперь съ большою
дѣятельностью приготавливаются
къ общему переселенію.— Они

знаютъ будущую свою жизнь, ес-
ли останутся во власни Турокъ,
знаютъ горькую свою участь, и
знаютъ ее на опытъ.—Ихъ удѣлъ:
неувѣренность въ обладаніи соб-
свенностью, разныя припѣсненія
въ промышленности, торгов-
лѣ, домашней жизни и даже одеж-
дѣ, и наконецъ унизительное
бѣдствіе видѣть безосвѣщенное
похищеніе женъ и дочерей
своихъ, ежели онѣ понравятся
знашному или богатому Мусуль-
манину. Въ сихъ случаяхъ зло-
получный мужъ или отецъ се-
мейства никогда не получалъ
удовлетворенія и оплакивалъ по-
хищенную, какъ бы разлучившись
съ нею на вѣки смертию При
вступленіи Россійскихъ войскъ
въ Арзрумъ, многія изъ сихъ не-
щасныхъ жертвъ Турецкаго
сладоспрасія нашли случай уй-
ти изъ домовъ своихъ припѣс-
нишелей и возвращиться въ кругъ
семействъ своихъ, благословляв-
шихъ наше оружіе.—

КРИТИКА.

ОТВѢТЪ ПРОФЕССОРА ПАРГОТА на замѣчаніе Г на Шопена, помѣщенное въ № 11. Тифлисскаго Вѣдомостей настоящаго года.

Господину Шопену заблагодарилось рассказывать во всенародное услышаніе въ Тифлисскаго Вѣдомостяхъ нѣкоторыя несправедливыя мнѣнія, на счетъ восхожденія моего на вершину Арараша, вынуждающія меня къ опроверженію оныхъ. Г-нъ Ш. еще въ 5-мъ № упомянутыхъ Вѣдомостей въ заключеніи занимательнаго описанія Эриванской Области, мимоходомъ упоминаетъ и о горѣ Арарашъ (*), ко-
„шорая высоко надъ облаками
„скрываетъ сѣдую вершину свою,

(*) Кошарой однакоже Г-нъ Ш. въ семъ случаѣ дѣлаетъ ошибочное названіе *Мизисъ*; (*) Армяне называютъ ее *Мисисъ*, какъ мы слышали въ уроженцевъ ошъ Эчмиадзина и Эривани до самой горы слышали, и какъ за 150 лѣтъ предъ симъ повѣствовала Шардинъ и всѣ прочіе писатели утверждаютъ.

(*) Здѣсь сдѣлана Типографическая ошибка въ одной буквѣ: слѣдуетъ *Мазисъ*; шакъ произносятся Армяне.— *Пр. Изд.*

„и къ коей (къ горѣ или вер-
„шинѣ оной?) послѣ ~~взобна на~~
„шего Ноя не прикасалась еще
„нога человѣческая.“ Тогда мнѣ
и въ голову не приходило досадо-
вать на Г-на Ш. за то, что не
изволилъ онъ примѣнить меня,
упомянувъ о праощѣ Нобъ, и шѣмъ
болѣе починалъ я дѣло окончан-
нымъ, что почтенный Издашель
Вѣдомостей самъ собою упоми-
наетъ о моемъ восхожденіи на
гору въ сдѣланномъ имъ на при-
веденное здѣсь мѣсто замѣчаніи.
Теперь же Г-нъ Ш. для опро-
верженія сдѣланнаго ему Г-мъ
Издашелемъ упрека, въ неизвѣст-
ности о подвигѣ, совершенномъ
„почти подъ глазами его, счи-
таетъ обязанностію, предспа-
„вишь предъ лицомъ публики
объясненіе свое по сему предме-
пу, Онъ исполнилъ сію обя-
занность въ 11-мъ № Тифлис-
скихъ Вѣдомостей съ такими про-
шиворѣчїями, что я нѣкошорымъ
образомъ нахожусь въ затрудне-
ніи возражать на оныя. Ибо меж-
ду шѣмъ какъ онъ выискиваетъ
всякаго рода доводы, изъ коихъ

долженствовало бы следовать, что я не был на вершинѣ Арарата,, онъ (будто бы) не хотѣлъ сомнѣваться, чтобы ученая экспедиція, не исполнила того, что объявила предъ цѣлымъ свѣтомъ.“ Я вынужденъ однако же слова сія почитать пустою учтивостію и имѣшь въ виду одни доводы, коими Г-ну Ш. угодно было покуситься на опроверженіе достоверности моего повѣстанія о восшествіи на вершину Арарата; хотя онъ собственно мало предоспаляетъ мнѣ надежды къ успраненію оныхъ, важныхъ по его мнѣнію, доводовъ; ибо онъ, такого мнѣнія, что слѣдовало ей (т. е. ученой экспедиціи), подвиговъ свой совершивъ болѣе оржественно и такимъ образомъ, чтобы не оставилъ въ публикѣ нималѣйшей недобѣрчивости въ справедливомъ уснѣхѣ,“ же шеперь не въ состояніи выполнитъ сего условія. Невѣроятно, чтобы Г-нъ Ш. подвменемъ публики разумѣлъ здѣсь публику Европейскую, которая довольно просвѣщена и вѣрно

знаешь, что при первомъ восхожденіи на высокія и крутыя желалъ достигнуть цѣли своей, имѣющъ обыкновенно и что важнѣйшее въ виду, нежели пустое тщеславіе; но очевидно разумѣешь онъ здѣсь, словомъ и дѣломъ и въ хвастовству пріобывшихъ жителей востока, коихъ суверное предубѣжденіе о недостигаемости вершины Арарата, дѣйствительно помя очевиднымъ какимъ либо чудомъ можетъ быть уничтожено. Однако же Г-нъ Ш. если хотѣлъ извѣститься о семъ предметѣ публично, гораздо приличнѣе бы было, какъ образованному Европейцу, говорить предъ младенчествующими въ просвѣщеніи Азіатцами, языкомъ естественныхъ доводовъ истины, нежели пошворствовать предразсудку.

Г-нъ Ш. пребуешь, отъ своего ли имени, или во имя другихъ, (что для меня всё равно), чтобы я доказалъ, что я дѣйствительно былъ на вершинѣ Арарата. Давно ли вошло въ обычай

между людьми образованными, чтобы ученый, не заплясавший еще себя никакою ложью, должен был представлять доказательства для доставления вероятия своему описанию путешествия? Г-нъ III. и всякъ, кому угодно, можетъ въ душѣ своей думать, что я сказалъ неправду; но хотѣвъ доказать это публично и такими доводами, кои никакой силы доводовъ не имѣютъ, не значить ли своевольно нарушать законъ, охраняющій честь непороченнаго имени каждаго подданнаго въ Государствѣ? Впрочемъ я и не пребывалъ, чтобы публика довольствовалась однимъ моимъ сказаніемъ: я былъ на вершинѣ! О времени и мѣстѣ восхожденія моего на Араратъ, о состояніи вершины его ж мѣсяцъ пребыванія на оной, рассказывалъ я многимъ обстоятельно и помѣщалъ печатнымъ, краткія извѣстія въ періодическихъ изданіяхъ; подробности же изложены будутъ въ описаніи моего путешествія, которое не замѣдлю представить публикѣ. Кому же охота лично въ

этомъ удостовериться, тому съвѣтую самому взойти на вершину, на сѣверномъ краю которой, поставили мы малый крестъ, который тщетно желалъ бы онъ увидѣть снизу; ибо я даже съ помощію моего оптического Долланда телескопа едва только слабо снизу усматривалъ большой крестъ, которой на 1000 футовъ ниже вершины горы, хотя онъ выдается изъ льда на 8-мъ футовъ, и сдѣланъ изъ перекладины или плахи въ 6-ть дюймовъ по ширинѣ и весь покрашенъ черною краскою. Если вообще дѣло шло здѣсь о доказательствѣ, то я прежде всего сослался бы на то, что тригонометрическое измѣреніе Арарата, учиненное Г-мъ Кандидатомъ Осодоровымъ въ концѣ Октября 1829 года, коего данныя онъ немедленно переслалъ въ коніи Совѣту Императорскаго Дерптскаго Университета и который вычислялъ онъ при глазахъ Аспронома нашего, Господина Профессора Шпруве, уже въ 1830-мъ году, только на 168 футовъ раз-

иялся отъ моего, 27-го Сентября 1829-го года учиненнаго, барометрическаго измѣренія, которое вычисливъ предварительно, я немедленно обнародовалъ въ Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ. Неужели и здѣсь должно бысть предполагать спешеніе какихъ либо мистификацій презрительныхъ, чшобы оспаривать мое показаніе, что я дѣйствительно съ барометромъ достигъ вершины Арарата?

Г-нъ Ш. свѣдалъ отъ Старшины селенія Аргури (*) Степана Меллико,, что онъ ни на шагъ не „ощспавалъ отъ путешествіенныхъ „ковъ, и что не возможно было „достигнуть выше того мѣста, „гдѣ *водворенъ!* крестъ,“ Совершенно правъ! Степанъ былъ вѣрнымъ моимъ пушеводителемъ при второмъ моемъ покушеніи достигнуть вершины, но только при второмъ. Прежде и послѣ того онъ не находился при мнѣ у монастыря Св. Якова, но въ своемъ селеніи. Г-нъ Ш. можетъ

(*) Не Ахуры, какъ не правильно пишетъ Г-ль Шопенъ.

даже чшпашъ описаніе сей попытки моей въ 39-мъ Но Тифлисскихъ Вѣдомостей 1829 года. Но слѣдуетъ ли изъ того, чшобы и прешья попышка, о коей шпччасъ же возвѣщено было въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ Тифлисскихъ Вѣдомостей, но въ коей Степанъ Меллико не участвовалъ,— была также неудачна.

„О мѣстѣ, гдѣ поставленъ „крестъ, Г-ну Ш. объяснили, что „въ хорошую погоду охотники „достигаютъ и выше, но что до „вершины горы еще по крайней „мѣрѣ на цѣлыя сутки ходьбы.“ Да почшптъ меня Г-нъ Ш. своею довѣренностію и познаетъ, что мѣсто большаго креста находится на 15,158-мъ фушовъ надъ морскою поверхностію. Въ продолженіи 24-хъ часовъ можно бы по обыкновенной мѣрѣ взобраться еще на 10,000 фушовъ выше того мѣста, и тогда Араратъ имѣлъ бы вышины 25,000 фушовъ! но споль много не жаловалъ ему и самый опшважный его пріятель; это превышаетъ Шимборасо и

равнялся только Гималай. Кто руководствовал Г-на Ш. в сем случае? Если люди, из моих провожатых, то не худо бы ему наименовать их; если же другие, то как могут они знать, где и как высоко водружен большой крест, когда я снизу, едва помощию наилучшего шельскопа мог усмотреть его.

Г-н Ш. благоволил извинять неудачи моих покушений, приводя причину, от чего должно было быть не иначе, а именно: „что экспедиция прибыла в Эривань когда Арарат успел уже покрыться довольно густым снегом.“ В Эривань (мимоходом сказать) прибыла экспедиция не прежде 1-го Ноября, когда она уже совершенно оставила страну и проездом только была в Эривани. Кто сообщил Г-ну Ш. известие, что во время нахождения нашего на Арарате, уже глубокий снег покрывал гору сию? Снег и при том очень глубокий, покрывает верх оной на 2800 футов от вершин в низу, вечно ж во

всякое время года, но ни при одном из покушений наших не упало ни клочка нового снега ниже показанного предва. Неужели Г-н Ш. вовсе не знает, что именно в Август и Сентябрь наименее бывает снега на горах вечно оным покрытых? Неужели ему незнаком необычайный зной, бывающий на равнине Аракса, до самого Ноября месяца и возносящийся до вершины Арарата. Мне должно пожалеть, что Г-ну Ш. не удалось видеть прекрасного зрелища, как в 1829-м году 16-го Ноября, и при том в первый раз за столько лет, Арарат покрылся снегом, который однако чрез несколько дней опять исчез.

Г-н Шопен осведомлялся и от Командира 41-го Егерского полка в Эривани и „что раз слышал, что Егеря, конвоировавшие экспедицию, говорят, что „не были на вершине Арарата.“ Для чего спокрашно обременять разпросы Г-на Командира и ни разу не спросить лучше у самих

солдатъ? Тѣ изъ солдатъ, коихъ я не взялъ съ собою на верхъ, можешъ быть пошъ самый изъ нихъ, которъй, при отбѣздѣ моемъ, неспсупчно упрашивалъ меня, что бы я означилъ въ данномъ ему отъ меня свидѣтельствѣ, что и онъ также сопровождалъ меня до самой вершины горы,—сїи по солдаты, вѣрояпно, ушвердили разказами своими Г. Командира въ наслощемъ его мѣстѣ. Короче: пусть назовешъ онъ единомышленныхъ своихъ воиновъ поимянно, а я называю сопровождавшихъ меня, они суть: Алексѣй Здоровенко и Машвѣй Чалпановъ, служащіе рядовыми въ 41-мъ Егерскомъ полку и оба, какъ я полагаю, честные люди. Разпросише ихъ, прочшише данныя имъ отъ меня свидѣтельства, коихъ содержанія, сколько мнѣ извѣстно, не объявляли они ложнымъ.

Г-нъ Ш. повтораешъ: „въ цѣлой Эриванской Провинціи,— „исключая дьячка, подписавшаго „свидѣтельство объ успѣшномъ „окончаніи предпріяшя, отъ ма-

„лаго до большаго всѣ ушверди-
 „дающъ, что экспедиція не была
 „на вершинѣ Арарата. Въ доказа-
 „тельство того говорашъ, что
 „ежели ученые путешественники
 „могли достигнуть выше на горѣ,
 „то конечно не водрузили бы
 „креста своего такъ близко къ ея
 подошвѣ,— „Дѣйствительно не
 постижимо, какъ человѣкъ обра-
 зованный могъ склонить слухъ
 свой на такое болшаніе черни!
 Изъ всего сказаннаго здѣсь ни
 слова нѣтъ истины. Я и еще
 назову здѣсь людей бывшихъ со
 мною, это Мурашъ Погоссіанъ
 и Ованесъ Айвасіанъ, двое надеж-
 ныхъ Армянъ изъ Аргури, коихъ
 показаніе навѣрно докажетъ,
 что не всѣ, отъ мала до велика
 такимъ образомъ сомнѣваются.
 Въ числѣ сопутствовавшихъ мнѣ
 не было никакого дьячка; но мо-
 лодой монахъ, въ санѣ Діакона,
 служившій переводчикомъ въ мо-
 настырѣ Эчміадзинскомъ, по
 имени Хачашуръ Аболянъ, копо-
 рый уже гораздо болѣе имѣешъ
 образованія, нежели каковаго до-
 стигнушь можешъ какой либо

Армяниѣ въ Эчміадзинѣ жи
 Эривани. Онѣ не подписывалъ
 никакого свидѣтельства“ о со-
 „вершеніи нашего предпріяшя,, и бо
 паковаго, сколько я знаю, не бы-
 вало и не существуетъ; но онѣ
 во всякую минушу годовѣ уш-
 вердишь священною кляшвенною
 присягою, что мы были на вер-
 шинѣ. Сказать, что мы не выше
 подошвы Арарата внесли крестѣ
 ешь неслыханная дерзость! Въ
 монастырѣ Св. Якова, находящем-
 ся на 3258 фушовѣ *выше подош-
 вы горы*, было постоянное наше
 пребываніе— и мы поставили
 крестѣ, по словамъ Г-на Шопе-
 на, вшорившаго нещпымѣ пол-
 камѣ черни „близко къ ея по-
 дошвѣ,“ а не вознесли онаго съ
 несказанными усилиями спрово-
 ждавшихъ насѣ Армиѣ и сол-
 даѣ въ область вѣчныхъ льдовѣ
 Арарата и не водрузили его на
 такой высотѣ, которую Спецанѣ
 Меллико самѣ почелѣ было за
 самую вершину, поелику къ дос-
 пиженію послѣдней ни что иное
 намѣ препятствовало, какѣ по-
 шеря времени онѣ взятія съ со-
 бою креста, длиною въ 10-шѣ

фушовѣ, сдѣланнаго изѣ плахи
 въ 6 дюймовѣ толщиною, крестѣ
 рый надобно было встѣ
 по скалистымѣ ушесамѣ и льдамѣ
 Арарата.

Можетѣ быть Г-ну Ш. лег-
 че было достигнуть цѣли его
 обѣздовѣ, нежели миѣ взобрать-
 ся на вершину Арарата; во вся-
 комѣ случаѣ однако же, онѣ серд-
 ца желаю ему, никогда не быть
 пошревожену Кришиками, не имѣ-
 ющими ни досташочныхъ поз-
 наній о предметахъ его заняшй,
 ни надлежащаго прямодушія для
 важнаго и справедливаго оцѣне-
 нія шрудовѣ его (*).

(*) Осмѣливаемся надѣяться, что сіе оп-
 раваніе почтеннаго Профессора Парроша
 будетѣ помѣщено въ шѣхъ Вѣдомостяхъ,
 которые позволили себѣ перепечаташь
 замѣчанія Г-на Шопена.— Разсматривая
 Тифлисскія Вѣдомости съ самаго начала
 появленія ихъ въ свѣтъ, врядѣ ли найдешъ
 двадцатая часѣ спашей, которые не
 были бы перепечатаемы въ другихъ повре-
 менныхъ Издавіяхъ, выходящихъ въ Рос-
 сіи. Благодаримъ за честь, и полагаемъ въ
 семѣ одиѣ только благія намеренія, не-
 постижимыя впрочемѣ для насѣ, послѣ
 помѣщеннаго нами въ № 84 1830 года
 объявленія, мы не дерзаемъ произнести
 названія, которое подобное дѣйствіе за-
 луживаетѣ по литературнымъ правамъ,
 дозволяющимъ, какѣ намъ кажется, пере-
 печатаваніе однихъ только извѣстныхъ о
 новѣйшихъ событіяхъ, передаваемыхъ обма-
 новенно чрезѣ газетѣ во всеобщее свѣ-
 дѣніе.— Пр. Изд.

Отъ Издавателя Тифлисскаго Вѣдомостей.

Поставивъ себѣ неизмѣннымъ правиломъ строгое безпристрастіе, я не усумнился повѣстовать въ издаваемомъ мною журналѣ и возраженіе Г-на Шопена на сдѣланное мною замѣчаніе подъ станицею его: О богатствѣ Эриванской Области, и настоящій отвѣтъ Г-на Паррота. Но исполнивъ долгъ безпристрастія, я считаю себя обязаннымъ слѣдовать внушенію здравой критики. Уважалъ Г-на Шопена, какъ чловека образованнаго и одного изъ полезнѣйшихъ чиновниковъ за Кавказомъ, достоинства, въ коихъ безъ сомнѣнія никто ему не откажетъ, кто только читалъ превосходныя его статьи, и кои я умѣю въ полной мѣрѣ цѣнить, проживъ уже нѣсколько лѣтъ въ семъ краю, я не могу однакоже не почитать опрометчивымъ довѣріе его къ сужденіямъ туземцевъ о предметѣ, о коемъ они не могутъ говорить ни основательно, ни равнодушно, ни безпристрастно. Когда въ 1829 году я повѣстивъ въ Тифлисскаго Вѣдомости статью о восхожденіи Г-на Паррота на Араратъ, я былъ аптакованъ со всѣхъ сторонъ людьми, которые съ язвительною улыбкою упрекали меня въ моей доверчивости къ подобнымъ вѣ-

спіямъ.—Иные доказывали мнѣ невозможность въ исполненіи подобнаго подвигу тщетнымъ покушеніемъ Армянскаго Патриарха Якова, который, желая видѣть ковчегъ, не былъ до онаго допущенъ ливнымъ чудомъ; другіе не удачными попытками Сардаря Эриванскаго; ирешьи поспояннымъ вѣтромъ, который спережешъ вершину горы, немногіе физическимъ положеніемъ горы, а многіе почитали даже свлннопашетвомъ и самое покушеніе ученаго Профессора и не иначе соглашались ему вѣривъ, какъ если бы привезеть съ собою кусокъ ковчега. И тогда уже большая часть туземцевъ готова была божиться, что Парротъ не былъ на вершинѣ Арарата. По симъ причинамъ и по другимъ, о коихъ изъ уваженія къ предмету я здѣсь умалчиваю, я тогда же убѣдился въ томъ, что ученая экспедиція будетъ имѣть сильную противъ себя партію, въ особенности въ Армянской Области. . . . .

Я спрашивалъ Дякона Хачатура, бывшаго безоплачно при Г-нѣ Парротѣ во время его восхожденія на Араратъ. Простой рассказъ сего отвида, сопровождаемый такими подробностями, которые отклоняютъ даже всякое подозрѣніе въ вымыселъ, можетъ, кажется, убѣдиль-

каждаго въ искренности его показаній. Повѣствованіе его я передаю здѣсь со всею возможною точностію.

Въ 1829 году прибылъ въ Эчміадзинъ Г-нъ Профессоръ Паррошъ съ своими товарищами. Я былъ въ это время переводникомъ при Армянскомъ Патріархѣ. Ученые путешественники были приняты нашимъ духовенствомъ съ всею должною уваженіемъ и мнѣ вѣрно было находиться при нихъ и удовлетворять всѣмъ ихъ требованіямъ. Узнавъ оныя ихъ, что они намерены достигнуть вершины Арарата, я изъявилъ желаніе имъ соупростоваться. По убедительнымъ просьбамъ Г. Парроша, я получилъ на сіе позволеніе Эчміадзинскаго Синода.—Не могу рассказать какъ я обрѣдвался случаю находиться въ обществѣ людей съ такими познаніями, и быть участникомъ въ ихъ предпріятіи.

9 го Сентября мы выѣхали изъ Эчміадзина и направили путь нашъ прямо къ Арарату. Мы поехали на берегу черной рѣчки. Она вытекаетъ изъ подошвы горы Арарата и называется такъ по причинѣ черныхъ водъ ея. (По-Армянски Сель-Дзуръ, а по-Татарски Карасу) Въ камышахъ ея мы видѣли прелесть дванухъ свидей. Въ сихъ мѣстахъ также множество

червей, называемыхъ по-Татарски Кривы (канциларское съмя).

04M36340
2034010133

На другой день мы встали поутру рано и Г. Паррошъ съ Г. Багагелемъ занялись съемкою горы, другіе же ихъ товарищи принялись собирать цвѣты, растенія и рзныхъ животныхъ. Вскорѣ пошомъ мы поднялись отсюда къ деревнѣ Аргуры. Жители будучи Армянами, приняли насъ съ величайшимъ уваженіемъ. Мы построили пошомъ обитель Св. Григорія. Здѣсь живетъ престарѣлый Архимандритъ Карапетъ. Удалившись нѣсколько лѣтъ шому назадъ въ сію пустыню онъ совершенно забылъ свѣтъ и любилъ свое уединеніе. Онъ давно вырылъ себѣ могилу и ежедневно глядя на нее, занимается спасительными мысленіи о смерти. Не далеко отсюда находится и небольшая обитель Св. Якова, Патріарха Армянскаго. Здѣсь находится источникъ воды, къ силѣ коего все жители Закавказскіе всехъ исповѣданій имѣютъ большое довѣріе. Когда сарача опустошаетъ ихъ поля, они прибѣгаютъ къ сему источнику, съ священнымъ шоржествомъ окропляютъ по мѣсто, на которое пала сарача; вскорѣ являютъ особеннаго рода пшеницы, похожія на скверцъ въ по-Армянски называемыя Тармъ, которыя уничтожаютъ сіе вредное насѣкомое. Въ Сентябрѣ мѣ-

едь, Армяне во множествѣ собираются въ семь вѣсть и приносятъ жертвы. До окончанія нашего предпріянія мы стояли въ сей обители. Уединенное и прекрасное мѣстоположеніе оной благоприятствовало занятіямъ ученыхъ путешественниковъ.

На другой же день послѣ прибытія нашего сюда, Г. Парротъ съ Г. Шимагомъ сдѣлали первый опытъ восхожденія своего на Араратъ. Они пробовали взойти съ восточной стороны; но крутизна восточнаго ската убѣдила ихъ въ невозможности достигнуть отсюда свой цѣли, и они возвратились назадъ. Мѣсто, до котораго они достигли, по ихъ наблюденіямъ, возвышается надъ поверхностью воды на 13000 футовъ.

Сіе заставило Г. Паррота искать другаго вихода. По совѣту Архурсаго Спаршинна, Армянина Сисепана Мелика, Г. Профессоръ 16 Сентября спалъ подыматься съ западной стороны. Съ нами находились Гг. Бегагель и Шимагъ, три солдата и пять поселанъ. Хотя Г. Парротъ, щадя мою молодость, совѣщивалъ мнѣ не вдаваться въ столь опасное путешествіе; но твердо рѣшившись быть вѣрнымъ ихъ спутникомъ во всѣхъ ихъ полезныхъ изслѣдованіяхъ, я объявилъ ему свое непоколебимое намѣреніе не испаваясь отъ нихъ ни на шагъ. Мы взбира-

лись по самой дурной и неудобной дорогѣ, и при наступленіи ночи остановились въ возлѣ сѣвовой области, называемаго Кипъ колоъ. Мы провели ночь самую безпокойную по причинѣ холода и неровности мѣста, на комъ лежали. На другой день предъ восхожденіемъ солнца мы, оставивъ все наши запасы и припасы на мѣстѣ нашего ночлега, продолжали наше путешесствіе и начали подыматься по сѣвовой подошѣ. Тихая погода да и вновь вышавшій снѣгъ совершенно намъ благоприятствовали; но вдругъ погода перемѣнилась и густые туманы, покрывъ совершенно вершину Арарата, понудили насъ возвратиться; шло больше, что солнце клонилось уже къ закату. Прежде нежели спустился, Г. Парротъ посматривалъ среди шого мѣста, до котораго мы достигли въ сей день, крестъ, окомъ упоминается въ № 52 Тифлисскихъ Вѣдомостей 1829 года. Крестъ сей, видѣнь былъ съ нами и Архимандритъ Каранетъ помазалъ свѣтъ свѣромъ.

Сіи два опыта могли бы поколебать челоѣка не столь твердаго и не столь пристрастнаго къ наукамъ, какъ Г. Парротъ. И не въ силахъ выразить до какой степени онъ чувствовалъ всю важность вриятной имъ на себя обязанности

День выступленія наспалъ, войска, за исключеніемъ часни, оставшейся въ городѣ при Генералъ-Лейтенантѣ Панкратьевѣ, на кануи расположились лагерьмъ.—На разсвѣтѣ, вмѣсто столь долгослышанной упренной зари, Генералъ-Маршъ (*) раздаеся по лагерю и эхо въ ближнихъ горахъ вторитъ пріятные его звуки радостью упоеннымъ воинамъ. Переселенцы, ночевавшіе на бивакахъ подлѣ нашего лагеря, сѣлаша запрягать быковъ, и длинный рядъ аробѣ поплылся по дорогѣ къ Нарсу.—Турецкіе чиновники, остававшіеся въ Арзрумѣ при своихъ мѣстахъ, подлѣ вѣдомствомъ Россійскаго Временнаго Правленія, пожелали угостить прощальнымъ завтракомъ достойнаго Начальника Русскихъ и всѣхъ штабъ и Оберъ-Офицеровъ. Подлѣ лагеря разбины Турецкія палатки, и нѣкошорые почешные Турки сами прѣхали наблюдать за порядкомъ изгошовлемаго пиршества.— Народъ толпился и наполнилшъ по обѣимъ сторонамъ дороги пространство меж-

(*)Вой сей, замѣняя упренную зорю, означашъ выступленіе въ походъ.—По усмотрѣнію Начальника, бѣжшъ чрезъ нѣсколько времени на возамъ, пошомъ сборъ и наконецъ, шрогалъ съ мѣста, Фельдъ-Маршъ.

Примѣчаніе не для военныхъ.

ду лагеремъ и городомъ . . . Изъ города несущся опдаленные звуки полковой музыки—въ лагерьмъ палатки исчезаютъ—въ оныя новляся въ стройные ряды.—Звуки музыки приближаются—голова колонны, остававшейся въ городѣ, показывается. Всѣ дышатъ радостью: войска, что возвращающоя въ свои предѣлы—Армяне, что избавляющоя отъ ига—Турки, что вновь владычествовать будутъ . . . . .

Печаленъ и одинокъ, по опдалю отъ большой дороги у подошвы Тонъ-Дага (*), сидитъ на камнѣ несчастливецъ.—При общей радости, нишо его не замѣчаешъ; судьбою угнетенный, онъ, кажется, самъ никого не видитъ.—Взоръ его неподвижно устремленъ въ землю—изрѣдка возводитъ онъ ихъ къ небу, какъ бы прося Всевышняго, за долги его страданія, прекратишь потутигашіе уже дни.—Кто онъ?—Какое несчастіе шягошилъ его сердце?

Всѣ приглашены на завтракъ Турецкими чиновниками. . . . .
. . . . . Выхожу изъ палатки и направляю шагъ къ сему несчастливцу. Ктобъ онъ

(*) Тонъ-Дагъ, въ делуверсшѣ ошъ города Арзрума.

сти предъ ученымъ свѣтомъ. Послѣ сихъ первыхъ опытовъ Г. Парротъ вѣрнее сталъ разсмѣивать способы къ достиженію своей цѣли и терпѣливо въ продолженіе десяти дней, ожидая хорошей погоды, продолжалъ въ уединеніи свои занятія. Во все это время вершина Арарата, покрытая густыми облаками, скрывалась отъ взоровъ нашихъ. Наконецъ величественный мазисъ открылъ съдую главу свою и благосклонно принявшау ученыхъ путешественниковъ, пригласилъ ихъ принять заслуженную награду за ихъ посѣщеніе въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ и опасностей (*). 26-го Сентября, чуть свѣтъ, мы вновь пустились въ путь. Люди бывшіе съ нами въ прежнихъ попыткахъ, устрашенные видѣнными ими затрудненіями и опасностями, отказались на сей разъ намъ соучаствовать. Мы наняли другихъ шесть мужиковъ, взяли ихъ и двухъ солдатъ и отправились въ путь. Сей разъ мы выжили ночлегу выше того мѣста, гдѣ останавливались при второмъ восхожденіи нашемъ: мы расположились въ области снѣговъ на небольшомъ холму, лежащемъ на западномъ закатѣ горы. Въ эту ночь

также холодъ пронялъ насъ порядочно. Въ другой день мы съ разсвѣтомъ отправились въ путь; но медленность, съ которою лѣнивые мужики, очищавшіе намъ дорогу, прорубали ледъ, сдѣлала намъ большую остановку. Трое изъ нихъ отказались даже слѣдовать дальше того мѣста, гдѣ воздвигнуть былъ крестъ. Черезъ десять часовъ мы достигли вершины горы. Не стану описывать восторга, который мы ощутили, когда подавили пятою голову гордаго Арарата. Я весь трепеталъ отъ радости и между тѣмъ какъ Г. Профессоръ занимался своими барометрическими наблюденіями, я въ восхищеніи бѣгалъ какъ ребенокъ по всей вершинѣ горы и съ жадностью отыскивалъ какойнибудь предметъ, который я могъ бы взять для памяти, но къ крайней моей горести ничего не нашелъ. Надо было довольствоваться небольшимъ кускомъ снѣга и растаявшую изъ онаго воду, я по прибытіи моемъ въ Эчміадзинъ, раздѣлилъ между знакомыми Архимандришами. На вершинѣ Арарата на сѣверной ея сторонѣ, я собственными руками своими поставилъ деревянный крестъ. Мы спустились къ ночлегу нашему при захожденіи солнца.

По наблюденіямъ Г-на Паррота Араратъ содержитъ отъ поверхности Чернаго моря 15,200 Фузовъ, шестъ 2470 Рус-

(*) Мешафора нѣсколько ошзывающаяся Авилскимъ вулканомъ, занисшвованная изъ собственныхъ выраженій Дьякова Хачашура. П. Изд.

ских аршинъ, или около 5 верстъ, и отъ поверхности на коей лежишь Эмιάдзийъ до аршинъ или болѣе четырехъ верстъ. Снизу глазъ зрителей обманывается полагая видѣть на сей вершинѣ, три отдѣльныя возвышенія или головы: ихъ шелько двѣ—западная и восточная. Западная, на которой мы были, не много выше восточной— При восхожденіи нашемъ мы замѣтили въ горѣ два глубокія отверстія, но недоставокъ времени не дозволило намъ ихъ измѣрить. Мы не встрѣчали здѣсь ни источниковъ, ни родниковъ, какъ бываетъ въ другихъ мѣстахъ Жишкли Аргури, пользуются свѣговою водою, которая со всѣхъ сторонъ стремится съ ужаснымъ шумомъ и печенью по самый Октябрь мѣсяць. Близъ сей деревни находятся одинаково также и небольшие источники.—Мѣсто, на которомъ она стоишь, есть самое пріятное и здоровое во всей Эриванской Провинціи. Воздухъ здѣсь свѣжъ и зелень самая пышная. По сию причину бывшимъ Сардаремъ Эриванскимъ Аргури было избрано лѣтнимъ мѣстопребываніемъ, и строенія, въ коихъ онъ обиталъ съ своими женами и семействомъ, еще существуютъ.— У подошвы горы находятся ледяныя глыбы, которыя называются *Сарцатунъ*, то есть: ледяной домъ.— Въ

лѣтнее время съ сѣверной стороны горы бываютъ большіе свѣжые обвалы, которые стремятся внизъ прескомъ и шумомъ.— Низменная часть подошвы Арарата покрыта чернымъ хрупкимъ камнемъ, который безпрестанно сыплется внизъ (*), что здѣсь называется *Карегъ* то есть: каменные развалины.— Дикихъ звѣрей мы здѣсь вовсе не встрѣчали, хотя жители утверждаютъ что здѣсь множество дикихъ козъ, медвѣдей, барсовъ и проч.

Со стороны Бадзеша, который лежитъ къ югу, входить на гору кажется гораздо легче, но мы не пробовали подыматься оттуда.

Путешественники крайне желали разсмотрѣть всѣ древнія памятники, пещеры и прочія достопамятности, которыя находятся въ сихъ мѣстахъ. Но хищныя Куршинскія партіи, разбѣяныя по окрестностямъ не дозволили имъ привезти въ исполненіе сего намѣренія.

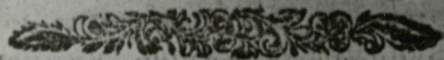
Мы были и на маленькомъ Араратѣ, стоящемъ на востокъ отъ большаго; но путешествіе сіе мы предприняли весьма поздно и въ самое холодное время, то есть 26-го Октября. Мы ночевали въ

(*). Вѣроятно шиферъ. Пр. Изд.

маленькомъ довольно густомъ лѣсу, въ которомъ однакоже весьма мало плодоносныхъ деревьевъ (*). Въ сихъ мѣстахъ также замѣчательнѣе недостатковъ въ водѣ мы принуждены были въ семь путешествій взять во у съ собою.— Хотя маленькой Араратъ гораздо ниже большаго по несправенно груче. Въ шестидесяти четырехъ часовъ, мы едва взобрались на вершину сей горы и по съвеличайшимъ трудомъ. Дурная погода и въ семь восхожденій много намъ мѣшала. Вершина сей горы составлена изъ шести небольшихъ холмовъ. Она возвышается надъ поверхностью Чернаго моря на 1865 аршинъ, а надъ поверхностью моря мѣста гдѣ лежатъ Эчмидзиль на 1445 аршинъ. На сей горѣ и въ окрестностяхъ оной множество развалинъ, доказательство чино мѣста сѣи въ древности были хорошо населены; всѣ же оны совершенно оставлены. Мы нашли здѣсь два камня съ Персидскими надписями, и сначала полагали, что это какіе нибудь памятники, стоящіе вниманія; но потомъ узнали, что бывший Сардаръ Эриванскій Гусеинъ Ханъ замѣтилъ, что нѣко-

(*). Замѣчаніе весьма естественное въ устьяхъ Азіатца, который привыкъ видѣть здѣшнія лѣса наполненными лободами, грушинами, орѣшниками, гревашинами, дикими виноградниками и проч. *Пр. Изд.*

торые Европейскіе путешественники, увлекаемые похвалнымъ любопытствомъ, посѣщали развалины сихъ мѣстъ, и занимаясь изслѣдованіемъ древнихъ памятниковъ, вздумалъ подшутить надъ ними по своему: велѣлъ нацарапать на двухъ камняхъ нѣсколько нечестивыхъ Персидскихъ надписей и опустить ихъ на то мѣсто, гдѣ мы ихъ видѣли. Сіе нѣтъ рассказывалъ Аргурскій поселеникъ, который самъ, по приказанію Сардаря тайно отнесъ туда сѣи камни.

С М Ъ С Ъ .

Въ одномъ обществѣ, состоящемъ болышею частію изъ военныхъ людей, зашла рѣчь о необыкновенныхъ ранахъ. Каждый изъ присутствующихъ, сдѣлавъ двѣ или три компаніи и нѣсколько экспедицій, доказывалъ примерами, что люди получавшіе самыя жестокія раны и обреченные на смерть, по не постижимымъ силамъ природы, оставались въ живыхъ и даже пользовались въ послѣдствіи здоровьемъ.— Одинъ

изъ собесѣдниковъ, о которомъ можно было сказать, что пороку не выдумаетъ, хранившій долгое временное молчаніе, наконецъ съ простодушіемъ сказалъ: „Ишь, „господа, все что вы разсказываете, „ше, ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, чему я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Когда „я служилъ въ Н. полку, кошарой находился въ дѣйстви прорывъ Турокъ въ 1829 году, по „одному изъ нашихъ Офицеровъ „приказано было сбить непріятельскую башарю.— Едва онъ „скомандовалъ: въ штыки! и бросился къ орудіямъ, какъ на его „мой близкой дистанціи карпечъ „попала ему прямо въ лобъ. Вотъ „чрезвычайная рана. . .“ Ну, что же съ неперифіемъ вскричали всѣ присущешвующіе, „неужели онъ остался живъ?“ „О! „ишь, шущъ же и умеръ,“ ошвѣчалъ онъ,

Что городъ, то порокъ, что деревня, то обычай, говоришь на-

на Русская пословица, справедливая во всемъ ея смыслѣ. Въ Россіи у насъ показалось бы страннымъ, ежели бы въ свѣтлую, лунную ночь, когда почти можно читать безъ огня, двое или шрое мушкетеровъ, пошли вмѣстѣ прогуливаться съ фонаремъ: въ Тифлисѣ напротивъ весьма часто увидишь, при самомъ яркомъ сіяніи луны. людей, особенно женщинъ, идущихъ съ огромными, разноцвѣтными фонарями; попорые обыкновенно шаскаютъ передъ ними едва замѣтные бѣгъ (слуга, мальчикъ) — У насъ засмѣлись бы, ежели бы какою нибудь чудакомъ, вздумалъ садиться на лошадь съ правой стороны: здѣсь это часто случается. Въ Русской споронѣ обыкновенно слуга идетъ позади господина: здѣсь маршируетъ мѣрными шагами замаранной, въ изодранной галѣ (родъ кафшана) бѣло, а за нимъ плыветъ какъ лебедь, на высовыхъ каблукахъ Тифлисская красавица, его барыня, закушанная съ ногъ до головы въ гадру, (покрывало) не

смотря на то, что она подв
часъ прокатилъ верхомъ на ли-
хомъ конѣ, не хуже добраго на-
вздника. Здѣсь замѣтишь можно,
что бичо иногда довольно скоро
ходилъ и не имѣя привычки
оглядываться. . . . Словомъ въ
Грузіи многое дѣлается на обо-
ротъ.— *Что городъ, то перодъ,
что деревня, то обывай.*—

Родины у Грузинъ высшаго
и низкаго сословія составляютъ
шумное празднество.—Когда жен-
щина разрѣшилась отъ бремени,
то вечеромъ собираются къ ней
родственники, родственницы и
знакомые,— дарятъ ей деньги и
всю ночь проводятъ въ компаніи
родильницы въ пляскѣ, пѣніи и
играхъ.—Наемные музыканты ск-
рипятъ въ зурны и стучатъ въ
бубны, припѣвая дикимъ голосомъ
Грузинскія и Татарскія пѣсни.—
Женщины и дѣвцы, не учас-
тующіе въ пляскѣ, садятся на
коврахъ поджавши ноги и игра-
ютъ въ спрасино любимое ими
лошо по абазу.— Достояно замѣ-

чанія, что женщины, не знающіе
ни слова по Русски, произносятъ
громогласно число цифръ по Рус-
ски,—ибо на Грузинскомъ языкѣ
онѣ счесть не знаютъ.

Кто не знаетъ до какой сте-
пени Персіане алчны къ деньгамъ.
Нынѣшній Персидскій Шахъ от-
личается особенно скупостію
и корыстолюбіемъ, которыхъ и
въ самой Персіи почитаются об-
разцовыми. Сверхъ непомѣрныхъ
налоговъ и штрафовъ, онъ изъ
самыхъ забавъ извлекаетъ доходъ.
Вотъ ему образчикъ. Когда Шахъ
вздумаетъ прогуливаться вер-
хомъ, то приглашаетъ съ собою
богатаго Хана. Бека или купца.
Дорогою онъ увидѣвъ пшицу, об-
ращается къ своему богатому
спутнику съ вопросомъ, что онъ
ему дастъ, если онъ застрѣ-
литъ пшицу? Спутникъ заранѣе
предваренный, предлагаетъ значи-
тельную сумму денегъ,—Шахъ
беретъ ружье, стрѣляетъ и даетъ
промахъ,—но спутникъ плашитъ
ему обещанную сумму, ибо онъ
кто не смѣетъ сказать, что
выстрѣлъ его былъ неудаченъ.

ни былъ, онъ достоинъ моего со-
участія.—

Тщешно старался я узнать
отъ него что либо объ его по-
ложеніи — Я допытался только,
что онъ Армянинъ, и на вопросъ
мой — почему не соучаствуетъ
онъ переселяющимся; на пред-
ставленія мои, что Турки, по
отбытіи нашихъ, могутъ опми-
стить на немъ переселеніе его со-
отечественниковъ, — единствен-
ный его отвѣтъ былъ: „Судьба
не можетъ увеличить мое не-
щастіе!“ . . . . Слезы полились
обильно изъ глазъ его, и, какъ бы
пробужденный отъ сна воспоми-
наніями прошедшаго, онъ вспалъ
и послѣдними шагами удалился
за Топъ-Дагъ.

Молодость его и пріятный
видъ, коего не могли изгладить глу-
бокіе слѣды, проведенные нещас-
тіемъ, пронули меня до глубины
сердца. Я подошелъ къ Армянамъ,
собиравшимся въ дорогу, и, ука-
зывая на удаляющагося, спросилъ —
же знаютъ ли они, кто онъ. —
Многіе его знали и отвѣчали
мнѣ со вздохомъ; „эпо нещастли-
вецъ.“ — „Нельзяли его вернуть?
Нельзяли ему помочь?“ — „Ни чемъ
и просьбы родственниковъ и дру-
зей не могли его убѣдить слѣ-
довать за ними.“ — Любопыство,

возбужденное искреннимъ соуча-
стіемъ, заставило меня спросить
ихъ рассказать мнѣ причину его
горести: но, готовые проронуться
съ мѣста, они мнѣ отвѣчали, что
не имѣютъ на то времени, одна-
ко на усиленные мои просьбы
одинъ изъ нихъ общался на пер-
вомъ почлетѣ удовольствоваться мое-
му желанію.

Ударилъ сборъ — голова ко-
лонны пронулась — всенники гря-
нули удаляю — я слѣлъ на коня —
невольно взглянулъ на Топъ-Дагъ —
нещастливецъ уже скрылся. Нис-
пошли шебъ Богъ Ангела ушѣ-
шишеля — пожелалъ я ему во-
слабѣ, или да прервется скорѣе
слабая нить жизни твоей, злопо-
лучный незнакомецъ!

Пришедъ на почлетѣ, я въ
задумчивости ходилъ въ задъ и
впередъ около своей палатки;
образъ Армянина не выходилъ
изъ моей памяти. Съ нетерпѣ-
ніемъ я ждалъ того, кто общалъ
рассказать мнѣ его исторію —
безпрестанно смотрѣлъ въ ту
сторону, гдѣ расположены были
биваками наши переселницы. —
Наконецъ онъ пришелъ.

Мы усѣлись подлѣ палатки, и
Армянинъ началъ почтти семи
словами:

„Вы видѣли сего для жерш-
ву безпорядковъ, бывшихъ во вре-
мя Турецкаго Правленія въ Арз-
румъ и вѣроятно существующихъ
поже въ другихъ городахъ
Османскихъ. Дай Богъ, чтобы
уроки полученные отъ Русскихъ,
раскрыли глаза симъ ненавист-
никамъ иновѣрцевъ своихъ и что-
бы надѣиные ихъ власпиштели
переслали ушѣснлшь подвласш-
ныхъ имъ народовъ.“

„Года за два до прибытія
Русскихъ войскъ въ Арзрумъ, не
вдалѣкѣ отъ Гуржи-Капи (*), въ
не большемъ домѣ на форшпа-
шѣ, жило семейство, коего отецъ,
хотя ремесломъ своимъ не могъ
содержать членовъ онаго въ изо-
биліи, но и не допускалъ ихъ до
нужды. Рядомъ стоялъ домъ Ага-
баба, того самаго несчастливца,
кошорый обращалъ на себя вни-
маніе ваше . . . Отца его не бы-
ло уже въ живыхъ, но оборота-
ми по торговымъ дѣламъ онъ ус-
пѣлъ оспавишь сыну небольшое
состояніе, кошорое сей послѣд-
ній спарался умножать, слѣдуя
по стопамъ родителя. Мать, уже
нѣсколько лѣтъ не вспававшая
съ посхели, благословляла нѣж-
ное обѣ ней попеченіе единствен-
наго сына.—Агабабъ былъ лѣтъ

двадцати пяти. Старшая дочь
соста, прелѣспная Коранъ, лѣтъ
семнадцати, съ самаго малолѣт-
чества привыкла видѣть Агаба-
ба.—Пріянная его наружность,
любовь и почтеніе къ матерн и
нѣжное съ нею обращеніе, всели-
ли въ юномъ сердце ея какое то
чувство, кошорого она еще сама
не понимала.—Онъ ее спрасшно
любилъ.—Ея родные видѣли въ
ихъ союзѣ взаимное благополу-
чіе.—Мать Агабаба искренно же-
лала, до койчины своей, узрѣшь
ихъ соединеніе. Она знала Ко-
ранъ, знала ея Ангельскую ду-
шу и кропкій нравъ; знала, что
она будетъ щасливойо супругой
щасливѣйшаго мужа.—Все, каза-
лось, благопріяшествовало ихъ
желаніямъ.—Все готовилось къ
совершенію брака.—“

„Въ одну ночь, дня за два
до свадьбы, спсучашся у дверей
домика Кораны: на опзывъ, отецъ
ея опворяешъ двери.—Человѣкъ
шестъ вооруженныхъ Турокъ
врывающся въ домъ, часъ удерживаетъ
отца и мать, а другая
бросаетъ на изумленную Коранъ
и уводитъ ее. Ни просьбы, ни
слезы невинности, не могли ос-
пановишь насильства сихъ зло-
дѣевъ.—Они похищили ее на всег-
да отъ родителей и обожаемаго
ею Агабаба. . .“

(*) Грузинскія ворота.

Турки Армянинъ-разказчикъ пресѣвъ нить своего повѣствованія и вдався въ подробности о сихъ похищеніяхъ. Часто Армянки, кошорыя имѣли несчастіе понравиться Мусульманину, увлекаемы были силою изъ дома родительскаго. Похищители не реодѣвали ихъ въ свое платье и заснавлиа принимашь Турецкіе обычаи. (Нѣкоторыя изъ нихъ были однако же столь великодушны, что не принуждали ихъ измѣнять закону своихъ предковъ). Ихъ заключали въ гаремы, и рѣдко кошорой изъ нихъ дозволялось видѣться даже съ опцемъ и съ маперью. Дѣти сихъ несчастныхъ зашворницъ росли въ Магомешанской вѣрѣ, и ихъ самихъ по смерти хоронили на Мусульманскомъ кладбищѣ съ обрядами послѣдователей Исламизма.

„Родители Кераны, узнавши между похищителями сына одного изъ первыхъ сановниковъ Арзрума и предвидя злосчастную судьбу ея, спали оплакивашь спрасшно любимую дочь . . . . Упоная въ слезахъ, они бросающься къ дому жениха, спучашь въ двери.— Изумленный Агабабъ вскакиваешь съ постели. Онъ не знаешь еще роковой вѣсти.— Видъ родителей Кераны поражашь

его.—Онъ разспрашиваешь о причинѣ ихъ прихода, ихъ . . . . Неспокая печаль не позволяешь имъ отвѣчать на повторенныя его вопросы . . . Предчувствіе пягошишъ сердце Агабаба—Онъ лешшъ въ домъ Кераны.— Ея ишшъ.—Онъ возвращаешь назадъ. Опчаянная горестъ родителей, облегченная слезами, дашшъ имъ возможность разказашь плачевное приключеніе сей ужасной ночи.—Агабабъ въ испугленіи не владѣешь болѣе собою. Его спраждущая мать не въ силахъ перенестъ сего неожиданнаго удара; просширая удрученныя недугами руки къ несчастному сыну, въ первый разъ не внимающему ея гласу, она испускаешь духъ . . . .“

„Ушро освѣшило сію печальную картину. Съ разщерзаннымъ сердцемъ Агабабъ лешшъ къ дому Сераскира.— Онъ хочешь пасъ къ ногамъ сего Верховнаго Правителя, разказашь все, просишь правосудія. Надежды лучъ облегчашь Его спраданія.— Надежда щещная! Чшо можешь слабый прошивъ сильнаго? его не допустили, и даже спараніями похищителя, ему и семейству несчастной Кераны велѣно

оспавишь городъ: подъ смершнюю казню имъ запрещено показываться въ ономъ.—Изгнанное семейство Кораны поселилось въ одной деревнѣ на берегу Евфрата . . . . .“

„Ночь была свѣшлая: луна озаряла минарешы и высокія зданія города. Огни блуждали сквозь рѣшетчатыя оконницы Арзрумскихъ спроеній и постепенно исчезали.—Вскорѣ все предалось покою, одинъ лишь лай собакъ превожилъ тишину ночную(*).—На западномъ кладбищѣ, въ полуночный часъ, простершій на свѣжемъ насыпѣ, изгнанный Агабабъ въ послѣдній разъ орошалъ слезами могилу бѣдной матери. Провожавшій его за городъ, исполнишель верховной власти споялъ отъ него по опдалъ въ глубокомъ молчаніи: пронушій нещасніемъ спрадальца онъ нѣсколь-

(*) Въ Арзрумѣ невмѣрное множество собакъ. Весьма забавно было видѣшь между ними какое—шо общество, раздѣленное на кварталы или улицы; когда собака другой улицы или кварталы выбѣгала за свои границы, шо всегда была ашакывмаема хозяевами шой часши, въ которую попадала, и привуждена рѣшироваться. Во время Турецкаго Правленія существовалъ чиновникъ, получавшій жалованье, коего обязанность состояла въ надзорѣ надъ собаками.

ко времени не смѣлъ его превожить. Наконецъ суровый мусульманинъ подходилъ къ Агабабу и напоминаешъ ему приказъ Начальства.—„Такъ, я иду,“ сказалъ онъ, вспавая, „оспавляю здѣсь все что было драгоценно мнѣ, оспавляю . . . . . и можешъ быть на вѣки! Иди, скажи неистовымъ гонителямъ моимъ, что Богъ, карающій злодѣевъ, обратилъ на нихъ гнѣвъ свой:—скажи, что злодѣяніе, ими надо мною свершенное споль велико, что Всевышній не со извоилъ имъ избрашь новыхъ жершвъ! . . . . . Всемогущій Боже! Дай мнѣ насладиться ихъ гибелью. Умоляю Тебя надъ могилою нещасной моей матери, умоляю Тебя слезами невинной Кораны! Дай Боже, чтобы городъ, который оспавляю и ненавижу, въ коемъ угнешены Христіане, почувсшвалъ праведное мщеніе Твое! . . . Мусульмане, наказаніе Божіе близко: мѣра злодѣяній вашихъ исполнена!“—Сказалъ и удаллся поспѣшно.—“

„Солнце совершало уже четвершъ дневнаго круга, но Агабабъ продолжалъ еще путь свой, желая оспавишь сколь можно далѣе за собою прешупный городъ. Мало по малу сжлы его спали

ослабѣвать—ушомленный жаждою, онъ остановился подлѣ фонтана (*).

„Долго изгнанникъ сидѣлъ въ безчувственной задумчивости— глаза его были неподвижно устремлены на журчащую воду—грудь пѣснилась.— Наконецъ обильныя слезы полились ручьями изъ глазъ его, сердце облегчилось и воспоминаніе прошедшаго явственнѣе представилось его воображенію.... Онъ оглянулся два Курпина сползли позади его. Агабабъ зналъ, что они никогда не оставяютъ своихъ жилищъ и не отправляются къ сосѣдамъ иначе какъ для грабежа. Мщеніе наполняло его сердце, и въ немъ родилась мысль соединиться съ ними. Онъ бросается къ ногамъ ихъ и проситъ принять его къ себѣ.— „Лишенный всего,“ говорилъ онъ имъ, „изгнанный изъ родительскаго дома, я долженъ снискивать себѣ пропитаніе; я буду вѣрный вамъ спутникъ: единственное мое же-

(*) Одно изъ украшеній города Арзума и удобнѣе его (между многими неудобствами) есть заведеніе фонтанъ. Нѣтъ ни одной улицы, въ коей не было бы нѣскольکو шаковыхъ. Они устроены въ видѣ пампниковъ. Изъ крановъ бѣжитъ чистая холодная вода, проведенная подъ землю до самаго фонтана. За городомъ по большимъ дорогамъ находятся также подобные водометы,

ланіе, вредитъ жилищамъ сей страны, онъ мщевать надъ нами по вергамъ претерпѣнныхъ многими бедствія— Кровь ихъ да успокоитъ пѣнь несчастной матери и да вознаградитъ меня за похищеніе невольцы!—Если же вы не согласны, что вошь моя грудь! Освободите отъ тягостнаго бремени злополучнѣйшаго изъ смертныхъ!..“ Просьбы спрдальца и слезы его пронули сихъ хищниковъ и они взяли его съ собою.—“

„Агабабъ, при первыхъ набѣгахъ, руководимый мщеніемъ, отличился предъ своими товарищами.—Искусство его приобрѣло ему любовь ихъ, его печаль—сосрдаданіе. Около двухъ лѣтъ находился онъ между ними.“

„Пораженіи Сераскира и Гаки-Паши и быстрое движеніе нашихъ войскъ къ Арзуму навело ужасъ на жителей сего города, многіе Мусульмане съ семействами оставляли оный, убѣгая Русскихъ.—Случай представился Курпинамъ грабиль.—Небольшая партія ожидала добычи по дорогѣ, ведущей къ Байбуршу, при оной находился Агабабъ. Лишь только смерклося Курпимы, благопріятствуемые темною ночью, отправились на поискъ.— Не долго они бродили.— Мелькающій вдали огонекъ указалъ имъ путь.— Они

подбѣхали.—Вокругъ разведеннаго подъ деревомъ огня сидѣло нѣсколько Турокъ . . . . Едва только Агабабъ успѣлъ взглянуть на нихъ, какъ яростнѣ овладѣла его чувствами.— Исполненный мщенія, онъ взводишь курокъ.— Пуля свисшишь . . . . избранная имъ жертва, пораженная въ грудь, падаетъ навзничь.— „Друзья!“ воскликнулъ Агабабъ „Друзья! Я ошмщенъ!“ Въ мгновеніе ока Турки берутся за оружіе. Пули съ обѣихъ сторонъ поражаютъ новыя жертвы.— Съ неистовымъ крикомъ Куршины бросающся на враговъ—Турки уступаютъ превосходству силъ и бѣгутъ.— Агабабъ устремляется въ бѣшенствѣ на умирающаго похищеннаго Кораны, наносишь ему саблею новые удары и съ зѣвскою улыбкою смотритъ на послѣднія судорожныя движенія искаженнаго тѣла.—“

„Разграбивъ вьюки, Куршины намѣревались укрыться отъ поисковъ и ворочившись назадъ. Но вѣрнаго спутника ихъ, Агабаба, не было болѣе между ними . . . . Въ нѣкоторыхъ шагахъ отъ убитаго Турка лежалъ шрупъ несчастной Кораны— въ общемъ смятеніи пуля поразила ее. Съ

тѣхъ поръ разсудокъ Агабаба помрачился, и лишь изрѣдка только яснѣеешь на короткія промежутки для того только, чтобъ дать ему почувствовать весь ужасъ его положенія. Въ безуміи влекомый силою темныхъ воспоминаній, онъ посѣщаетъ кладбища, ошискивая могилу матери; или блуждаетъ по ущельямъ, стараясь найти мѣсто, гдѣ погибла его невѣсна.“

***

Іюнь 1831 года.

Д.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БАСНЯ.

Оса и Пчела.

(Отрывокъ изъ *Находки*.)

Работала Оса, работала Пчела.
 Съ поддѣжники цѣвшовъ Оса перебрала;
 Пчела же съ одного цѣвшка все не сходила.
 За то Пчела сошны обогатила;
 Осажъ помещь сосшавила изъ розъ.

Работа знашь работѣ рознѣ!

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо къ пріятелю въ Россію.

(Сообщено).

Жилиши образованной Европы, часто имѣюшъ весьма ложныя понятія о спранахъ дальнихъ:—я пому живымъ примѣромъ.— Прибывъ на дняхъ изъ Россіи въ Тифлисъ, я воображалъ, что найду здѣсь шолько Азіяшскую лѣнь, безпечность, полудикое состояніе вообрази себѣ какъ я былъ пріятно обманушъ!— 25 прошедшаго Іюня въ день рожденія Великаго Государя нашего, Командующій Закавказскими войсками Генералъ - Лейтенаншъ Панкрашевъ давалъ блестящій балъ, на кошорый по счастью для меня и я былъ приглашенъ.— Домъ Главнокомандующаго въ коемъ было празднество, по великолѣпію своему можешъ равняшъся сълучшими Пешербургскими домами; освѣщеніе было споль ярко, что всѣ красоты Тифлисскихъ дамъ прелестно выражались;— смѣшеніе лицъ и нарядовъ Европейскихъ съ Азіяш-

скими предшавляли въ Французскую прошивуположность, и быспрые, оригинальные Лезгинскіе танцы находились шаръ сказашъ въ спорѣ съ Французскими кадрилими и вальсами.—Я почно нерѣшаю что милѣе;—но всего пріятнѣе было видѣшъ миѣ, какъ Грузинки въ длинныхъ, но красивыхъ платьяхъ своихъ,— танцовали Французскія кадрили съ опличною ловкостью.

Сильный вѣпрѣи дождь помѣшали иллюминаціи и фейерверку, но живая радость и непринужденность оживляли собраніе, и всѣ съ сердечнымъ удовольствіемъ праздновали день, коему Россія обязана благоденствіемъ своимъ, а Закавказскій край быспрыми успѣхами въ образованности и благосостояніи.

9-го Іюля 1830.

Урогище Каджоры,
близъ Тифлиса.